

Рассказ «Бернар», датированный 1952 годом, начинается фразой: «Дней моих на земле осталось уже мало». А далее, вспоминая то, что услышал в Приморских Альпах о мопассановском шкипере, Бунин приводит прощальные слова Бернара: «Думаю, что я был хороший моряк». И финальные строки рассказа звучат как бунинское завещание: «Мне кажется, что я, как художник, заслужил право сказать о себе, в свои последние дни, нечто подобное тому, что сказал, умирая, Бернар». Так, сдержанно, с точным пониманием своего места в русской литературе, подвёл итоги на излёте жизни великий писатель.

Путь в литературу Иван Алексеевич Бунин начинал как поэт; поэтом считал себя всегда, утверждая это не раз и вполне определённо. В роду его были замечательные стихотворцы: «русская Сафо» Анна Бунина и пушкинский наставник Василий Жуковский. Возможно, этот факт, помимо прочего, отозвался эхом интереса к прошлому, к своим истокам, в сонете «В горах»:

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве,
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

Не примыкая ни к какой литературной школе или течению, в поэзии он стоял особняком. Его стихи отличали, по меткому наблюдению Фёдора Степуна, «особая аристократичность – скупость на внешние эффекты, сдержанность слов и страстей, чувство меры и нелюбовь к педали». А я бы добавил: изысканность, богатейшая лексическая палитра. И, конечно, отменный, безукоризненный вкус...

Несомненно, что Бунин и в прозе своей оставался поэтом высочайшей пробы; разве можно иначе, чем поэтической энциклопедией любви, охарактеризовать его вершинную книгу «Тёмные аллеи»? Ритмический рисунок его «симфонической прозы», музыкальное звучание каждой фразы, композиция, – всё свидетельствует: это проза поэта.

Ведь ещё за десятилетия до Нобелевки он дважды становился лауреатом Пушкинской премии – и именно как поэт! Знаменательно признание Бунина: «Я, вероятно, всё-таки рождён стихотворцем... Для меня главное – это найти звук. Как только я его нашёл – всё остальное даётся само собой».

Иосиф Бродский, определявший поэзию, как высшую форму языка, сделал следующее заключение: «Я имею в виду возникновение великой русской прозы второй половины девятнадцатого века. Эта проза, возникшая словно бы ниоткуда, как некое следствие, причину которого невозможно установить, на самом деле была просто-напросто отпочкованием от русской, девятнадцатого же века, поэзии. Поэзия задала тон всей последовавшей русской литературе, и лучшее в русской прозе можно рассматривать как отдалённое эхо, как тщательную разработку психологических и лексических тонкостей, явленных русской поэзией в первой четверти того же столетия».

Так что, полагаю, не будет преувеличением сказать, что изумительные по стилистическому совершенству и недостижимой пластичности прозаические шедевры Бунина выросли на ниве его стихотворчества.

Мне кажется, лучше всех изобразил Бунина-поэта его талантливый ученик Валентин Катаев в «Траве забвенья». С присущей ему острой наблюдательностью и «фотографической» памятью он оставил великолепный психологический портрет Ивана Алексеевича, точно передал его характер, манеру речи и, главное, литературные пристрастия и оценки, – и собственные в том числе:

«Он всё ещё – видимо – воспринимался, как певец осеннего увядания, автор «Листопада», которым я не уставал восхищаться... Эта совсем небольшая описательная поэма... казалась мне энциклопедией осенних картин всей русской поэзии от Державина до Фета и Полонского. Быть может, здесь и не было ничего нового, но «Листопад» как бы блестяще, исчерпывающе завершал целую поэтическую эпоху. Каждый его стих вызывал ряд дорогих для всякого русского человека ассоциаций...»

«Трагический тенор эпохи» Александр Блок высоко оценил Бунина: «...мы должны с его первой книги и его первого стихотворения «Листопад» признать его право на одно из главных мест среди современной русской поэзии». Не могу не привести несколько строк из этого очень «пушкинского», роскошного стихотворения.

Лес, точно терем без призора,
Весь потемнел и полинял,
Сентябрь, кружась по чащам бора,
С него местами крышу снял
И вход сырой листвой засыпал;
А там зазимок ночью выпал
И таять стал, всё умертвив...

«Вспоминаю уже не подражания, – размышлял Бунин о Пушкине, – а просто желание, которое страстно испытывал много, много раз в жизни, желание написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное, желание, проистекавшее от любви, от чувства родства к нему, от тех светлых (пушкинских каких-то) настроений, что Бог порою давал в жизни».

...Знакомство юного Валентина Катаева с поэтическим миром Бунина произошло в тот миг, когда он услышал дивное стихотворение, поразившее своей живописной достоверностью:

Всё море – как жемчужное зеркало,
Сирень с отливом млечно-золотым.
В дожде закатном радуга сияла.
Теперь душист над саклей тонкий дым.

Вон чайка села в бухточке скалистой, –
Как поплавок. Взлетает иногда,
И видно, как струёю серебристой
Сбегает с лапок розовых вода.

У берегов в воде застыли скалы,
Под ними светит жидкий изумруд,
А там, вдали, – и жемчуг и опалы
По золотистым яхонтам текут.

«Я увидел чудо подлинной поэзии: передо мной открылся новый мир. В тот же вечер я попросил папу купить мне книгу стихотворений Бунина».

У поэзии Ивана Алексеевича, однако, находились недоброжелатели, на разные лады твердившие, что Бунин всего только... изобразитель.

Николай Гумилёв – заметьте, в 1910 году! – назвал Бунина эпигоном натурализма, стихи которого скучны, не гипнотизируют...

Критики, по словам Владислава Ходасевича, о стихах Бунина почти не писали, а Георгий Адамович замечал: «...При спорах о поэзии на каком-нибудь собрании дело доходило до того, что о Бунине как о поэте просто-напросто забывали, и случалось это не раз». А Владимир Набоков, в начале литературной деятельности называвший себя учеником Бунина, даже заявил, что поэзия «учителя» – забава человека обречённого писать прозу.

Ну что возражать им – непонятливым, когда остались такие чудесные лирические строки!..

Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...
Где ты теперь? – Дивуешься волнам
Зелёного Бискайского залива
Меж белых платьев и панам.
Кровь древняя течёт в тебе не даром.
Ты весела, свободна и проста...
Блеск тёмных глаз, румянец под загаром,
Худые милые уста...
Скажи поклоны князю и княгине.
Целую руку детскую твою
За ту любовь, которую отныне
Ни от кого я не таю.

Поразительна близорукость современников крупнейшего русского писателя!

Заметим, что Бунин в долгу не оставался, и его отзывы о некоторых собратьях по перу были весьма нелицеприятны. Досталось изрядно кумирам читающей публики вроде Игоря Северянина, Маяковского, Есенина и даже Блока и Ахматовой; сентенции в их адрес язвительны, жестки, хотя, может быть, не вполне справедливы...

В 1929 в Париже вышла итоговая книга Бунина «Избранные стихи». В ней он, по словам автора статьи «Трагическая хвала сущему» Владимира Смирнова, явил себя «архаистом-новатором». Обратимся к стихотворению, написанному в 1922 году. Легко догадаться, сколь сильно поэтом владели боль по утраченной родине, тоска одинокого бытия на чужбине, – отсюда горькая тональность этих строк.

Познал я, как ничтожно и не ново
Пустое человеческое слово,
Познал надежд и радостей обман,
Тщету любви и терпкую разлуку
С последними, немногими, кто мил,
Кто близостью своею облегчил
Ненужную для мира боль и муку,
И эти одинокие часы
Безмолвного полуночного бденья,
Презрения к земле и отчужденья
От всей земной бессмысленной красы.

Очень хорошие статьи о творчестве Бунина появились в дни 150-летнего юбилея Ивана Алексеевича, в частности, в «Литературной газете». Назову хотя бы эссе Надежды Кондаковой, озаглавленное с большим смыслом, – «Князь русской поэзии».

Бунин неизменно оставался верен себе, категорически не приемля словесные ухищрения и всяческие псевдоноваторства современников-декадентов. Он, как одинокий утёс в бушующем море, высился продолжателем отечественной поэтической традиции, о чём заявлял прямо и даже декларативно.

Качка слабых мучит и пьянит.
Круглое окошко поминутно
Гасит, заливаает хлябью мутной –
И трепещет, мечется магнит.
Но откуда б, в ветре и тумане,
Не швыряло пеной через борт,
Верю – он опять поймает Nord,
Крепко сплю, мотаясь на диване.
Не собьёт с пути меня никто.
Некий Nord моей душою правит,
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то!

Этот Nord – страстная любовь к родному языку, волшебное владение им, верность художническому призванию – и правил им всю жизнь, до последнего дня...